

Мария БЕРДИНСКИХ

Мария Бердинских родилась в 1980 году в Кирове. Кандидат социологических наук (УрФУ им. Ельцина); учится в ЕГТИ (специальность «Литературное творчество», курс Николая Коляды). Дебютировала в журнале «Урал» (2021). Живет в Екатеринбурге.

ТРЕВОЖНЫЕ РЫБКИ

Рассказ

Из пустого школьного фойе на меня таранилась сова. «Чудны дела наши, господи», – хотела сказать я, но увидела сонного охранника, прятавшегося за картонным Дамблдором. «70 лет любимой гимназии» – было написано на матовых синих и золотых шарах, трепыхавшихся в больших связках рядом с входной дверью. Алиса показывала мне фотки. Я просто забыла. Из-за всего – из-за этого. Гарри Поттер и Алиса в одинаковых круглых очках. Алиса и девочки из класса. Алиса была выше и худее всех, даже Гарри Поттера. Олененок Бемби – в Хогвартсе.

Когда в моей школе случались праздники, то мы фотографировались на фоне стены, выкрашенной зеленой масляной краской. Театральный вечер – все позируют в списанных нарядах из местного драмтеатра. У меня голубое балльное платье с кринолином, засвеченные красные глаза и главная роль Софьи в «Горе от ума». Выпускной в девятом классе – фотка только девочками. Ноги в телесных колготках выставлены острыми коленками вперед, в руках – измученные букеты в шуршащих целлофановых обертках. Зачем мы надели колготки в июне? 20 и 40 ден. 40 ден больше блестят, а 20 ден – матовые и легкие, но быстро рвутся.

Последний звонок. Все улыбаются и тыкают колокольчиками прямо в объектив. На стене облупилась краска – в том месте, где мы бросали рюкзаки и кучковались, когда отменялся урок. Классная отправила покупать колокольчики меня. Сначала – ты не участвуешь в жизни класса... коллектив... только о себе, а потом – вот тебе деньги. Я взяла и сходила. Вместо математики. Зашла еще за узкой атласной лентой в отдел тканей. Хотелось посмотреть, как продавщица разматывает ее с большой деревянной катушки.

Девки прогуляли следующую физкультуру и помогли продеть ленточки в узкие ушки. Анька сбегала в хлебный рядом с военным универмагом и купила батон московский и три шоколадки Lion. Вафли, орехи, карамель, липкий соевый шоколад, рычащий лев на рыжей глянцевой обертке. Ножницы для ленточек попросили у вахтерши бабы Дуси, которая смотрела в окно и улыбалась. Мелкие нарциссы на клумбах из шин и чьи-то головы из-за забора. Тоска.

Шоколадкой мы испачкались, а батон раскрошили по раздевалке. Отламывали руками. Двадцать шесть колокольчиков с белыми бантиками и сдачу отдали классной, когда она пришла на нас орать. «Как ты будешь жить дальше?», – спрашивала она меня в то время, как мои подружки жались к железной сетке раздевалки. Я не знала. Но будущее без школы представлялось мне прекрасным. Говорить об этом было нельзя. Надо было утирать слезы, обниматься с одноклассниками в школьном дворе и называть учительницу второй мамой.

После выпускного я ни разу не была в своей школе. Лучшая школа города. Видела ее мельком, когда приезжала на каникулы или в отпуск. Красное кирпичное здание с заколоченным парадным входом снаружи и зелеными стенами внутри. Баба Дуся умерла между нашим последним звонком и выпускным. От старости. Восемьдесят семь лет. Все равно было жалко. До этого сказала нам с Ленкой: «Если есть волосы на руках – будете

жить счастливо, девки!» Мы засмеялись и поверили. Верить бабе Дусе было легче чем классной, которая предрекала нам аборт, непоступление в институт, осуждение окружающих (с таким-то характером) и тоску по школе.

Всё забылось. Ощущение, что я самая тупая на математике. Запах тушеной капусты, который все ненавидели, а я тайно любила. Кузнецов, которого я оттаскивала от своего младшего брата в школьном коридоре. «Ваша дочь избила мальчика!» – сообщила классная моей маме по телефону. Кузнецов вырос и стал взрослым человеком с семьей, морщинами и ипотекой. Не ходил на встречи одноклассников, тоже хотел что-то забыть.

Алисины школа напоминала мне мою. От этого в животе начинали трепыхаться рыбки. «Да кто из тебя вообще вырастет?», – говорили мне рыбки по внутренней связи, беззвучно открывая рот. На стенах были бежевые обои, а в фойе по праздникам играла местная музыкальная группа. Смешной солист в кожаной курточке пел «А твой мальчик ездит на девятке» и каверы на английском. Дети бросали рюкзаки и танцевали прямо перед железной вертушкой. Школьный секретарь делала видео и выкладывала в инстаграм.

Все равно было похоже. На первом этаже пахло котлетами, а на столе охраны лежал большой лоток с одинокими варениками и забытыми ключами. Учительницы ругали бегущих детей, а завучиха врывалась в туалет девочек и билась в двери, подозревая, что там курят. Выходите, а не то хуже будет! Старшеклассницы прятали вскрытый презерватив, который рассматривали, и вываливались впятером из одной кабинки.

Я расписалась в журнале посещений и побрела в Алисин класс. Все уже собрались. Классный руководитель сидела за учительским столом, замаскировавшись высокими стопками тетрадок. Завуч нависала рядом. Кирюшина мама за первой партой смотрела на пирамидальные тополя в приоткрытое окно.

Рыбки устроили вечеринку и пригласили гостей. Еды было мало, а выпивки – завались. Одна рыбка выпила четыре коктейля «Кокосовая леди» и танцевала на барной стойке. Другие махали хвостами в такт так сильно, что у одной он отвалился. Спокойно! «Спокойно, – сказала завуч, – давайте поговорим спокойно». Почему-то после этой фразы все начинают орать, даже если не собирались. Рыбки сбились в стаю и жали плавниками на красную тревожную кнопку.

Завуч, повышая голос, говорила про ЧП. «ЧП, ЧП, ЧП», – билось в моей голове. Надо было вслушиваться, чтобы вступить вовремя. Рыбкина вода была похожа на перекипевший суп. Буль-буль. «Мой Кирюша, – опередила меня Кирюшина мама, – очень добрый мальчик. Он никогда бы специально. Но сейчас такие девочки!» «Заткнись, – хотела сказать я Кирюшиной маме, – заткнись, сука». Одна рыбка мечтала выпасть из моего рта, описать дугу и приземлиться на прямой светлый пробор Кирюшиной мамы.

«У ребенка порваны локтевые связки, рука не будет разгибаться еще три месяца», – услышала я свой голос. Чуть глуше, чем обычно, проседает к концу фразы. Если не знать, то не заметно. Хорошо, что продумала, что сказать. Иначе бы не смогла. Вспоминала бы Алисино белое лицо в скорой, когда мы сорок минут ехали до больницы. Еще повезло, что без пробок и под укол. Рука, привязанная к самодельной шине, торчала под моим плащом.

«Задел ее, и Алиса упала», – сказала учительница. Рыбки застучали плавниками у меня внутри, чтобы я не отключалась. «Случайно задел, и нечаянно упала», – уточнила Кирюшина мама. Ее голос тоже звучал сипло. Рыбки застыли в напряжении, готовились к броску. Мне хотелось схватить Кирюшину маму двумя руками за аккуратный хвостик и трясти до тех пор, пока прилизанные волосы не встанут дыбом. У нее должен быть такой же безумный вид, как у меня, когда подбегая к школе после звонка директора я увидела скорую помощь. Рыбки переместились куда-то в район сердца и скучковались в большой шар. Говорить было тяжело. «Все время пристает... специально... издевается... полиция», – слышала я свои отдельные слова.

Договорив, я посмотрела на Кирюшину маму. Она выглядела так, будто мы с ней бились врукопашную и я уже сидела на ней сверху в белом кимоно, заляпанном ее кровью, а рефери шел к нам, чтобы растащить и поднять мою руку вверх. Только я не победила. Два месяца нужно было ходить на процедуры. Что-то магнитное, УВЧ и физиотерапевт. Неделью мы таскались вместе, а потом Алиса одна. Двенадцатилетняя девочка с рукой на перевязи и мятым бумажным пакетом из «Золотого яблока». В пакете – направление и розовая флисовая пеленка. Укрывала ею Алису, как одеялком, когда она была маленькая.

Рука не поднималась, не разгибалась и болела. Я купила несколько метров белого льна и делала повязки, чтобы фиксировать локоть, как советовал врач. Почему-то ткань, не лангетка. Разводила вонючее лекарство и прикладывала компрессы. Нужно было стоять над раковиной пять минут и ждать, пока лекарство перестанет капать и впитается в бинт с разлохмаченными краями. Мазала на ночь жирной пачкучей мазью. Перед этим дула на больное место, целовала и говорила: «У феи Динь-Динь боли, у Серебрянки боли, а у Лисенка не боли!»

Были и плюсы. Освобождение от экзамена в музыкалке, и можно было не писать итоговые контрольные в школе. Вообще ничего не писать. Правая рука. Повезло. Просто делать вид, что слушаешь, и смотреть в окно. Вместо первых двух уроков ходить в детскую поликлинику на Буторина. Сначала по Восточной мимо Благотворительной столовой, где слева всегда очередь, а справа на разложенных на земле скатертях и шерстяных клетчатых одеялах продавали вязанные носки, детские ношенные шапки и сколотую посуду. Зимой продавцы и очередь стояли обособленно, не смешиваясь. Весной и летом все болтали, обсуждали рассаду и еще что-то, такое же неинтересное. Потом знаменитый дом с четырьмя парикмахерскими – «Натали», «Моя Мишель», «У своих» и еще одна какая-то со стертой вывеской. Большая арка, ступеньки, асфальт в трещинах, два тихих двора и новое здание поликлиники. Вахтерши жалеют и помогают надеть бахилы. Потом обратно. Все делят дробь, а Алиса ест оранжевый фруктовый лед левой рукой, запихав пакет подмышку. Продащица сама достает сто рублей из кармана джинсов, туда же кладет сдачу и разворачивает мороженое. Спасибо Кирюше!

Я посмотрела на Кирюшину маму, которую учительница называла Еленой Павловной, и вспомнила, почему она Кирюшина мама. «Тетрадка для Кирюши, он забыл», – говорила она, врываясь в класс посреди урока. Алиса рассказывала. Никто Кирюшу не дразнил, все завидовали. «Кирюшина мама и шпаргалки для него пишет, – восхищалась Алиса, – а русский вообще за Кирюшу делает». «Да с чего ты взяла?» – спрашивала я. «Почерк-то взрослый, сличали», – косилась на меня Алиса.

Я явно недотягивала. Когда столовая не работала, то Кирюшина мама готовила морковный салат с яблоками и изюмом и складывала его в контейнер вместе с пластиковой вилкой, в то время как я забывала купить даже мишек Барни. Кирюша разбрасывал тертую морковь по полу, а изюмом кидался в Алису. Она ждала следующей перемены, бежала в «Пятерочку» и запихивала Кирюше за белый наглаженный воротник блестящую обертку от шоколадки.

«Уроки безопасности для всех, школьный психолог для Кирилла. Согласны?» – спросила меня завуч. Рыбки устроили соревнование, кто выдует самый большой пузырь. Будто они были на вечеринке в Вегасе, а не в Алисиной школе, где под бежевыми обоями прятались маслянистые зеленые стены. Выигрывала самая мелкая, которая напилась. «Да, – ответила я, – согласна».

На улице шел дождь. Под навесом на школьном крыльце стояли Алиса и Кирюша. Кирюша рисовал корявые самолетики на Алисиной повязке. Ручка скользила по ткани и контур был нечеткий, прерывистый. «Поднажми, продавливай», – командовала моя дочь. Я выдохнула, выпустила рыбок в разноцветные бензиновые лужи и открыла зонтик.

Кирюшина мама запихивала бахилы в переполненную мусорку. У нее был вид человека, которого много дней держали в неволе. Мне хотелось признаться ей, что я

ненавижу школу, хотелось произнести это вслух, но вместо этого я сказала: «Так душно! Наверно, будет гроза». Кирюшина мама улыбнулась и ответила совсем не в тему: «Алиса стала такой красивой, совсем взрослая девочка».

Мои рыбки встретились с командой красноухих черепашек Кирюшиной мамы и поплыли к киоску «Всё для рыбалки». Я еще слышала их перешептывания. Одна рыбка бормотала: «Опарыш». Черепашка отвечала ей: «Так, на Ш...шлецык!» «К – козявка», – подсказывала я своим тревожным рыбкам по нашей внутренней связи. Сигнал уже был слабый, и мне никто не ответил. «Мама, не ходи по лужам. Все ноги и так сырые», – ткнула меня в бок Алиса. «А вот Кирюшина мама...», – сказала я, и мы засмеялись.

*Екатеринбург
Май 2022*